

— Хм, Цзеинь, Чжуньти, ну и хороши же вы! Неужели вы и впрямь думаете, что меня, Юань-ши, можно так просто задирать?

Лицо Юань-ши Тянь-цзуня было мрачным, как тушь, а аура вокруг него бушевала и вздымалась, подобно готовому извергнуться вулкану. Устремив яростный взгляд на западное небо, он издал раскатистый голос, звучащий словно бронзовый колокол.

Этот голос, казалось, был пропитан беспредельной злобой и грохотом разносился во все стороны, заставляя окружающее пространство слегка вибрировать.

Пань Сюань, видя столь бурную реакцию Юань-ши Тянь-цзуня, исполнился сомнений и любопытства и поспешно тоже поднял голову, глядя на западное небо.

Однако в поле зрения простиралась лишь лазурная высь — вокруг не было абсолютно ничего, и он невольно в растерянности подумал: с кем же это Юань-ши Тянь-цзунь разговаривает?

Юань-ши Тянь-цзунь всю свою жизнь больше всего дорожил лицом.

В этот момент он уже столь явно высказал упрек на расстоянии, а эти двое с запада, Цзеинь и Чжуньти, всё еще прятали головы и хвоста, отказываясь показаться.

Это заставило его почувствовать себя униженным до предела, и гнев мгновенно взметнулся до самой вершины.

Его фигура содрогнулась, даосские чары заструились вокруг тела, и он без малейших колебаний высвободил Знамя Паньгу — Врожденное Сокровище Высшего Качества, рожденное из осколков расколовшегося топора, созидającego мир.

Стоило Знамею Паньгу явиться миру, как в мгновение ока небо и земля переменились в цвете, хаотическая ци забурлила, а на его полотнище замерцали архаичные руны, излучая таинственный и мощный свет, словно повествуя о величайшем могуществе времен сотворения мира.

Юань-ши Тянь-цзунь сложил руки в печать и резко взмахнул ими, пуская Знамя Паньгу в полную силу.

В тот же миг ослепительный свет хлынул из знамени, подобно рассекающему небеса клинку, и устремился прямо на западное небо.

Там, где проходила эта атака, пространство словно хрупкая бумага легко разрывалось на части, и черные пространственные трещины быстро расползались во все стороны.

Раздался леденящий душу звук, похожий на то, как небо и земля в боли испускают стоны.

Этот удар, таивший в себе беспредельную силу, несомый чудовищным гневом Юань-ши Тянь-цзуня, с свистом помчался к скрывавшимся в тени Цзеиню и Чжуньти.

В мгновение ока западное небо словно было яростно разорвано невидимой гигантской силой, и пространство действительно треснуло на глазах.

Парящий под этой трещиной флаг с нарисованным на нем зеленым лотосом, источавший чистый сине-зеленый божественный свет, с трудом отражал неизвестную атаку.

Тот, кто держал флаг, был не кто иной, как Даос Чжуньти из Западного Учения. Лицо его в этот момент было полно тревоги и беспомощности, он взмахивал знаменем так плотно, что не оставалось и продыху, но каждый отраженный удар казался борьбой с самими небесами, столь изнурительной она была.

— Старший соратник Юань-ши, это всё недоразумение! Я поистине не знал, что это твой племянник!

Даос Чжуньти изо всех сил старался защищаться и одновременно вовсю орал, его голос эхом разносился по этому хаотичному миру, исполненный искренности и паники.

Едва с большим трудом отразив ту волну свирепых атак, даос Чжуньти не смел расслабиться ни на мгновение, по-прежнему сохраняя предельно бдительную защитную стойку.

Поделать было нечего: на этот раз он прибыл на восток в одиночку и не путешествовал вместе со старшим соратником Даосом Цзеинем.

Он прекрасно понимал в душе, что в честном поединке один на один ему ни за что не одолеть Юань-ши Тянь-цзуня.

Если же он захочет позвать подмогу — так ведь это земли востока, и у Юань-ши Тянь-цзуня есть два брата-Святых: Тяньцзунь Нравственности Тайцин и Тяньцзунь Духовных Сокровищ Шанцин.

Если и вправду дело дойдет до ситуации, где против меньшинства выступает толщина, три против двух, то у них с Даосом Цзеинем не останется ни малейшего шанса на победу, и им суждено будет потерпеть сокрушительное поражение.

Подобный расклад наполнял сердце даоса Чжуньти горечью, и ему оставалось лишь в этой тяжелой обороне уповать на то, что ситуация изменится к лучшему и всё это безобразие поскорее уляжется.

— Чжуньти, обычно вы с Цзеином промышляли на моем востоке всякими мелкими делами, и я смотрел на это сквозь пальцы. Но на этот раз у тебя хватило наглости задумать недоброе против моего дитя!

Лицо Юань-ши Тянь-цзуня было мрачным, от него исходил пронизывающий холод, и каждое слово было проникнуто не терпящим возражений величием и угрозой.

— Если ты не дашь мне сегодня удовлетворительного ответа, то не вини меня за то, что я забуду о приличиях и лично навещу твой запад!

Услышав это, даос Чжуньти почувствовал, как сердце ухнуло вниз, будто от удара молнии, улыбка на его лице мгновенно застыла, а в глазах мелькнула паника.

Западные земли и без того были бесплодными, и они с соратником Цзеином годами в поте лица обустроивали их, чтобы с большим трудом прийти к нынешнему положению.

Если Юань-ши Тянь-цзунь и впрямь явится на запад лично, то с его силой и гневом всё вокруг перевернется вверх дном, и многолетние труды их с соратником пойдут прахом.

Вспоминая прошлое, даос Чжуньти испытывал самые противоречивые чувства.

В последние годы он привык мутить воду повсюду.

Когда наступала небесная кара и те существа, которым предстояло обрести форму, сталкивались с испытанием жизни и смерти, он неизменно появлялся исподтишка.

Он искусно управлял силой небесного бедствия, заставляя обретающих форму существ отчаянно и мучительно бороться.

Когда они уже почти не могли держаться и оказывались на краю гибели, он являлся вовремя, рассеивая небесную кару в облике Святого и разрешая кризис.

Благодаря этому спасенные им существа проникались глубочайшей благодарностью и один за другим вступали в Западное Учение. Этот трюк работал безотказно и помог Западному Учению завербовать немало талантов.

Проходя на этот раз мимо Горы Бучжоу, даос Чжуньти случайно обнаружил Пань Сюаня, который еще не успел успешно обрести форму, но уже достиг Пика Золотого Бессмертного.

В тот миг его сердце охохало дикое ликование, и знакомый умисел мгновенно всплыл в сознании.

В его глазах Пань Сюань был словно овца, ожидающая заклания, прекрасная возможность расширить влияние Западного Учения.

И тогда он повторил старый трюк, тщательно расставив сети, пытаясь вновь разыграть этот спектакль со спасением красавца героем.

Однако он никак не ожидал, что этот с виду ничем не примечательный Пань Сюань обладает столь поразительным происхождением — он оказался прямым потомком Святого Юань-ши Тянь-цзуня!

Теперь, сталкиваясь с грозным допросом Юань-ши Тянь-цзуня, даос Чжуньти горько раскаивался в душе, но поделать ничего не мог и был вынужден мысленно проклинать свою судьбу.

Лицо даоса Чжуньти слегка побледнело, в глазах мелькнули беспомощность и досада, и в конце концов ему оставалось лишь смиренно испустить долгий вздох, воздать приветствие сложенными ладонями перед Юань-ши Тянь-цзунем и произнести:

— Старший соратник Юань-ши, на этот раз и впрямь моя вина, я недодумал и поступил опрометчиво. Я готов возместить племяннику ущерб десятью Семенами Бодхи, как тебе это покажется, старший соратник?

Он слегка приподнял голову, и в его взгляде читалась надежда, продолжая объяснять:

— Эти Семена Бодхи — сокровище редчайшее. Тот, кто использует их, не только улучшит свои природные задатки и очистит костный мозг, но и сможет значительно усовершенствовать культивацию во время медитации, что послужит подспорьем на его дальнейшем пути самосовершенствования.

Юань-ши Тянь-цзунь, услышав это, помрачнел еще сильнее, в его глазах заплясали языки пламени. Видя, что Чжуньти даже теперь пытается отделаться шуйкой и надуть его какими-то семенами, которые лишь на их западе почитаются за сокровище, гнев в его сердце забурился новой силой, словно вздымающийся прилив.

Он резко взмахнул рукавом, сотрясая окрестности своей бессмертной аурой, и гневно крикнул:

— Неужели ты думаешь, что мне, Юань-ши, не хватает твоих жалких Семян Бодхи? Хм! Или ты полагаешь, что Юань-ши Тянь-цзуня можно так легко одурачить? Сегодня ты обязан отдать этот Восточный Флаг Чистейшего Лотоса Лазуренного Цвета моему ребенку в качестве компенсации, иначе не пеняй на меня за то, что я не дорожу братскими узами, и давай померяемся силой лицом к лицу!

С этими словами Юань-ши Тянь-цзунь позволил духовной энергии вокруг себя бушевать,

принимая позу полной готовности к бою.

Даос Чжуньти посмотрел на Восточный Флаг Чистейшего Лотоса Лазуренного Цвета, и в его глазах отразилась сложнейшая гамма чувств: тут было и сожаление, и беспомощность.

Понимая, что нынешний поворот событий уже не обратить, он тяжело вздохнул, медленно закрыл глаза и быстро сложил пальцы в причудливую печать, окружив себя тонким слоем золотого буддийского света.

По мере того как печать менялась, тонкие нити связи между этим сиянием и Флагом Чистейшего Лотоса начали истончаться, становясь почти призрачными.

Его пальцы слегка дрожали, и каждое движение словно отрывало часть от многолетних накоплений, на лбу выступили мелкие капли потного бисера — было очевидно, что оборвать эту связь совсем не просто.

Спустя долгое время буддийское сияние наконец рассеялось. Он открыл глаза, исполненные одиночества, протянул Восточный Флаг Чистейшего Лотоса Лазуренного Цвета в сторону Пань Сюаня, слегка шевельнул губами, но так ничего и не произнес.

Пань Сюань, видя действия даоса Чжуньти, уже не мог сдерживать охватившее его возбуждение.

Пока тянулось ожидание, его стопы невольно слегка переступали с места на место, а ладони были так крепко сжаты в кулаки, что костяшки побелели от напряжения.

Когда даос Чжуньти наконец протянул флаг, он нетерпеливо протянул обе руки и вцепился в него мертвой хваткой.

В тот миг, как сокровище оказалось в его руках, его глаза расширились от невероятного, потрясенного восторга.

— Ха-ха, иметь за спиной влиятельных покровителей — это совсем другое дело!

Мысленно воскликнул он, ведь он не только так быстро выполнил задание системы, но еще и заполучил это Врожденное духовное сокровище высшего качества — Восточный Флаг Чистейшего Лотоса Лазуренного Цвета.